

ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

д. филос. наук проф. Лифинцевой Татьяны Петровны на диссертацию Гасилина Андрея Викторовича «Биографический метод Ж.-П. Сартра», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Само по себе обращение к биографическому методу того или иного мыслителя являет собой захватывающую и очень трудную задачу для исследователя. Соотнести тем или иным образом события биографии и филиацию идей и образов бывает очень заманчиво, но при этом очень велико искушение «вчитать» в события и текст собственные интенции. Что произошло, например, с Декартом 11 ноября 1619 года? Действительно ли он «переселился в печь» (сенсорную депривационную камеру, говоря современным языком)? Выясняется, что это лишь метафора: печи в съёмных апартаментах (в каких Декарт квартировал в то время в городе Нойбург-ан-дер-Донау) были металлическими, цилиндрическими, узкими. Сны и видения того дня и ночи легли в основу всей философии Декарта; их толкуют и перетолковывают психоаналитики, философы, историки, писатели. Но каков биографический смысл этого события? Ясности и однозначности нет – и быть не может. Здесь всё суть вопрос интерпретации. «Вчувствование» и «вживание» нам ничего не дадут – кроме наших ярких переживаний – которые, возможно, подтолкнут нас к собственным идеям; но это уже совсем другая история. (Биография Декарта, кстати, интересовала Сартра, он писал об этом в статье «Картезианская свобода» (1957) – предисловию к собранию сочинений Декарта, где предпринял попытку экзистенциалистского прочтения Декарта.) Или, например, какое такое биографическое событие (если переходить к литературе) есть блуждание джойсовского Леопольда Блума по Дублину 16 июня 1904 года?... Как писал Борис Пастернак: «...Губы, губы! Он стиснул их до крови / Он трясётся, лицо обхватив. / Вихрь догадок родит в биографе / Этот мёртвый, как мел, мотив». Но именно в 20 и 21 веках литература и философия модерна и постмодерна дают нам иные возможности прикосновения к сознанию и событиям, иные визиры, иные представления о темпоральности (длительность, поток сознания) и т.д.

Само по себе обращение к творчеству Ж.-П. Сартра в контексте отечественной философии представляется мне очень значимым. После необычайной популярности и восторгов по поводу французского экзистенциализма (Сартр и Камю) в 40-х–60-х годах прошлого века

наступило охлаждение (что закономерно). В российскую философию, обременённую марксистской идеологией, восторги пришли позже (в литературу – чуть раньше, в 60-е). Но если непосредственно в философии, например, учению Мартина Хайдеггера, при всех скандалах по поводу «Чёрных тетрадей» и т. д., никто в значимости, оригинальности и влиянии не откажет, то на Сартра многие маститые философы сейчас вешают ярлыки вроде «вторичен» (по отношению к Хайдеггеру), «тупиковый проект», «двухфигурная фигура» и т. д. Также много раз я слышала от коллег-философов, что, например, читать «Бытие и Ничто» просто невозможно, а так потрясшее откровение романа «Тошнота» здесь превращено в ужасное занудство. Разумеется, литературное произведение должно впечатлять сильнее, но никто почему-то не назовёт «занудством» «Бытие и Время» Хайдеггера, скорее скажет: «Я не понимаю, но это мои проблемы». Я думаю, что Сартр не «пережил свою земную славу» – как говорили при его жизни пост-структуралисты (кажется, М. Фуко). Можно сказать, что Сартр – это целая одиссея XX века: философская, литературная, публицистическая, социально-политическая, (включая романистику, драматургию, литературную критику, эссеистику, публицистику, биографический жанр). Она поистине полифонична. Эта одиссея не закончена и по сей день. Приведём лишь один пример: онтология негативности Сартра, его представление о несамотождественности и несамодостаточности, онтологической безосновности деконструированного субъекта дали возможность построения различных «нестабильных онтологий» – Ж. Делёз, О. Маркхарт, Р. Жирар, А. Бадью и др, будь то «онтологии нехватки» или «онтологии избытка» – даже если сами они не признают родства с Сартром, возможно, из принципа «Своё родство и скучное соседство Мы презирать заведомо вольны».

Автор диссертации следует методу аналитической антропологии, поясняя, что «методологическая база самой аналитической антропологии не является эксплицитно проявленной, представляя собой совокупность исследовательских принципов, этических и когнитивных установок, содержащихся явным и неявным образом в работах основателя этого направления В. А. Подороги и других его представителей». (с. 5) Далее А. В. Гасилин говорит, что «реконструкция сартровского биографического метода одновременно предполагает и прояснение методологических оснований самой аналитической антропологии, а исследователь вынуждено занимает позицию методолога второго порядка, реконструирующего один философский метод через прояснение другого». (с. 5) Ну что же, будем считать, что внутри этого круга расселовский брадобрей побрил сам себя – автор диссертации реконструировал один философский метод через пояснение другого.

Какова здесь позиция (или, скорее, стратегия) биографа/мета-биографа? А. В. Гасилин пишет: «Главное препятствие, которое стоит перед Сартром вполне естественно — это принципиальная незаконченность его собственного

творческого пути, который принципиально не мог быть схвачен «изнутри»». (с. 4) Действительно, очень важно представление об онтологической «недовершённости», «незаконченности» человеческого бытия, о возможности для человека в любой, даже самый последний момент, радикально измениться, переосмыслив всё сделанное ранее, все свои ценностные и когнитивные установки – что присуще всей экзистенциальной традиции (и христианской антропологии, кстати). В этом для Сартра выражается *свобода* человека.

Биографические проекты Сартра разворачиваются в самых разнообразных перспективах — феноменологической, психоаналитической, интроспекционистской, археологической, генеалогической, социально-политической, литературоведческой, даже бытописательской. Я не вижу необходимости в отзыве реконструировать содержание диссертации по главам и параграфам. Конкретные способы имплементации биографического метода блестяще анализируются автором диссертации на примере трёх сартровских биографий: «Бодлер», «Святой Жене. Комедиант и мученик» и «Идиот в семье. Гюстав Флобер от 1821 до 1857», которым соответствуют 3 параграфам главы II диссертации А. В. Гасилина. В параграфе 2.4 главы II «Логика и генезис сартровского метода» автор диссертации приходит к выводу, что наиболее значимым для Сартра, ввиду своего системообразующего характера, выступает понятие фундаментального проекта, под которым следует понимать первичный выбор экзистенцией бытия-в-мире. Этот фундаментальный проект предполагает особого рода герменевтическое прочтение, в котором каждый биографический факт рассматривается в различных оптиках — феноменологической, психоаналитической, марксистской, структуралистской и пр. И мы опять-таки приходим (в русле фундаментальности и вроде бы телеологичности) к мысли о несамотождественности и несамодостаточности, онтологической безосновности деконструированного Сартром субъекта – что мы и видим на примере биографических экзерсисов Сартра. Сам автор диссертации об этом не говорит, но, в принципе, из его текста следует. (Вспомним: «Самость представляет собой способ *не быть совпадением с самим собой*, ускользать от тождества». – «БиН»)

Диссертационному исследованию А. В. Гасилина предлежит огромный бэкграунд автора: он превосходно знаком с французской философией и литературой – классической и современной, с историей философии в целом (не говоря уже об исследовательской литературе); исследуемые персонажи (первого и второго порядка) никоим образом не «провисают», всё выстраивается в единый гармоничный ландшафт. Подход автора диссертации при этом поистине творческий: в каждом рассуждении ощущается авторский визир, он никого не повторяет. Диссертация написана прекрасным

литературным языком и читается как беллетристика. Думаю, на её основе хорошо бы сделать монографию. А для монографии нужно... нет, не «дополнить», но скорее заложить в основание – да-да, метафизику Сартра, его учение о сознании, бытии, субъекте, действии и свободе. Именно это, на мой взгляд, предлежит биографическому методу Сартра. Автор с метафизикой Сартра прекрасно знаком, но знакомы ли читатели? Возможно, всё это следовало бы включить в текст самой диссертации – тем более, что объём её невелик; она бы очень выиграла от этого. Рискую прослыть ретроградом, но мне кажется очень гармоничной в этом отношении монография Л. В. Филиппова «Философская антропология Ж.-П. Сартра» 1977 г. – на мой взгляд, лучшее, что было написано о философии Сартра в отечественной литературе (и это несмотря на тогдашнюю марксистскую идеологическую «обязаловку»!).

Также нельзя, на мой взгляд, было проигнорировать в диссертации роман «Тошнота»: литературное автобиографическое повествование, дневник Антуана Рокантена, потрясающий пример феноменологической интроспекции. С романом связаны (Сартр об этом писал) его биографические экзерсисы, исследуемые А. В. Гасилиным.

Я подозреваю, что такая позиция А. В. Гасилина вполне принципиальна и проистекает из его стремления избегать «больших нарративов», но в данном случае я не могу с ним согласиться.

Указание на упущения имеет характер скорее пожеланий на будущее, эти недочёты не снижают общего очень высокого уровня диссертации.

Диссертационное исследование А. В. Гасилина «Биографический метод Ж.-П. Сартра» подтверждено публикациями и переводами и полностью соответствует пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (Постановление Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г.), а ее автор, несомненно, заслуживает присуждения ему искомой учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.

Доктор философских наук,
профессор Национального
Исследовательского Университета –
Высшей Школы Экономики

Лифинцева Т. П.

28.08.2021

подпись заверю
ВЕДУЩИЙ СПЕЦИАЛИСТ
ПО КАДРОВОМУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ
ОТДЕЛА ПО КАДРОВОМУ
АДМИНИСТРИРОВАНИЮ
ФЕДОРОВА В.В. *Федорова*

4

